

14. *Baym, N.* Data not Seen: The Uses and Shortcomings of Social Media Metrics [Electronic resource] / N. Baym // First Monday. – 2013. – Vol. 18, № 10. – Mode of access: <https://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/4873/3752>. – Date of access: 07.02.2022.

15. *Володенков, С. В.* Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения [Электронный ресурс] / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 6. – Режим доступа: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/2>. – Дата доступа: 07.02.2022.

16. *Kaase, M.* Partizipation / M. Kaase // Staat und Politik / ed. D. Nohlen. – Bonn, 1991. – P. 251–252.

17. *Verba, S.* Participation in America: Political Democracy and Social Equality / S. Verba, N. Nue. – NY, 1987. – 452 p.

(Дата подачи: 23.02.2022 г.)

В. А. Мельник

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

М. И. Радкевич

Республиканский институт высшей школы, Минск

V. Melnik

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk

M. Radkevich

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 321.01

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНА ИДЕОЛОГИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

THEORETICAL APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF THE PHENOMENON OF IDEOLOGY IN THE SECOND HALF OF THE XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

В статье рассмотрены теоретические подходы к интерпретации феномена идеологии во второй половине XX – начале XXI вв. Установлено, что со второй половины XX в. начинается новый этап экспликации феномена идеологии, признанного в качестве важнейшего понятия обществоведческих наук, главным образом политологии. Также приводится авторское определение феномена идеологии.

Ключевые слова: идеология; теория идеологии; ценности; современность; общества современности.

The article considers theoretical approaches to the interpretation of the phenomenon of ideology in the second half of the 20th – early 21st centuries. It is established that from

the second half of the XX century: a new stage of explication of the phenomenon of ideology begins, recognized as the most important concept of social sciences, mainly political science. The author's definition of the phenomenon of ideology is also given.

Keywords: ideology; theory of ideology; values; modernity; societies of modernity.

К началу второй половины XX в. феномен идеологии являлся предметом научного анализа не менее 150 лет. К этому времени исследователями был выдвинут комплекс положений, составивших основу теоретической интерпретации идеологии. В их числе представления о сущности идеологии как духовно-культурного феномена, его соотношения с наукой и религией, его роли в обеспечении функционирования обществ современности. К этому времени сложились и в большей или меньшей мере прошли практическую апробацию базовые положения основных идеологических доктрин – либерализма, консерватизма, социализма и национализма. Классиками теории идеологии по праву считаются К. Маркс, Ф. Энгельс, К. Манхейм, Э. Бернштейн, А. Грамши. Выдвинутые ими теоретические положения относительно феномена идеологии сохраняют свою значимость по настоящее время. Изучение соответствующих работ этих авторов является обязательным для начинающих исследователей.

Со второй половины XX в. начинается новый этап экспликации феномена идеологии. Рост интереса к данной проблематике был обусловлен социально-политическими сдвигами, произошедшими в мире с момента введения термина «идеология». Главные из них – развернувшаяся после Второй мировой войны идеологическая борьба в международном масштабе, вступление ряда стран в стадию развитого индустриального общества, распад биполярной международной системы, превращение транснациональных корпораций в акторов международной политики. Эти и другие изменения во многом по-новому поставили перед исследователями вопросы сущности идеологии и ее роли в функционировании общества.

В советском обществоведении после полного опубликования на русском языке работы К. Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 года» (1956 г.) и нового, наиболее полного опубликования первой главы работы «Немецкая идеология» (1966 г.) возобновился интерес к пониманию классиками марксизма феномена идеологии. При этом одна часть исследователей (В. А. Ядов, Н. Б. Биккенин, Ж. Т. Тощенко и др.) продолжала отстаивать введенное В. И. Лениным понятие «научная идеология» [1, с. 138] как якобы творческое развитие марксизма. В книге Н. Б. Биккенина «Социалистическая идеология», например, можно встретить следующее утверждение: «Только с возникновением марксизма идеология стала научной» [2, с. 40]. Другая часть исследователей (Н. И. Лапин, Э. Ю. Соловьев, И. Т. Фролов и др.) подчеркивали значение в марксовской теории общественного развития категории «отчуждение человека», его понимание условий и перспектив преодоления такого положения индивида в посттрадиционном обществе.

В западном обществоведении второй половины XX в. одни авторы – например, Р. Арон, П. Фейерабенд, К. Поппер, Х. Арендт, Г. Маркузе,

Ю. Хабермас, Д. Белл, С. Липсет, Э. Шилз и др. – продолжили заложенную К. Марксом традицию гносеологического подхода к пониманию идеологии или, иными словами, ее оценке как ложных представлений, сознательно или неосознанно искажающих существующую действительность и потому либо бесполезных общественной практике, либо являющихся помехой целям развития общества. Другие исследователи – среди которых Т. Парсонс, Д. Истон, Г. Лассуэлл, С. Хантингтон и др. – акцентировали внимание на онтологической составляющей содержания идеологии. Это означает интерпретацию ими идеологии как фактора общественных процессов и как формы выражения представлений различных групп людей о должном устройстве социального бытия.

Обращает на себя внимание весьма любопытный подход к рассмотрению соотношения между идеологией и наукой, изложенный видным американским философом и методологом науки П. Фейерабендом. Самыми плодотворными в развитии науки он считал периоды борьбы альтернатив. В связи с этим он предлагал отказаться от понятий истинности и объективности знаний. Эти установки привели его к призыву освободить «общество от удушающей власти идеологически окаменевшей науки, как наши предки освободили нас от удушающей власти Единственной Истинной Религии» [3, с. 464–465]. Он полагал, что ученый вправе добиваться признания своих теорий различными способами, включая идеологическое воздействие и методы психологического внушения. Поскольку конкурирующие теории нередко противоположны, наука должна освободиться от насаждаемых государством всеобщих идеологических догм и последовательно плюрализироваться.

Очевидно, что П. Фейерабенд оставил открытым вопрос о соотношении идеологии и науки. Не случайно поэтому он пришел к отказу от понятий истины и объективности, к утверждению об относительности критериев рациональности в познании и практической деятельности, к предложению уравнивать в правах, т. е. в общественном статусе, науку и идеологию.

Оценка идеологии как ложного, превратного сознания и как орудия духовного подчинения личности в индустриальном обществе присуща таким видным представителям так называемой Франкфуртской школы, как М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе, Ю. Хабермас и др. Для их аналитических подходов характерны попытки осмыслить социально-политические реалии XX в. с позиции непримиримого оппонирования существующей действительности. Ими исследованы различные аспекты отчуждения человека современными общественными системами, основанными на принципе «производительности», которые неизбежно приводят к извращению естественных влечений и потребностей людей.

Примером такого подхода к оценке индустриального общества является работа Г. Маркузе «Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества» (1964 г.). Согласно автору книги, высоко развитые общества современности – будь то основанные на принципах

индивидуализма или на принципах коллективизма – не имеют оппозиции и поэтому они поражены «параличем критики». В обществе, потребительски ориентированном, одномерным становится и человеческое мышление, и поведение. «Тот факт, – делает вывод Г. Маркузе, – что подавляющее большинство населения приемлет и вместе с тем принуждается к приятию этого общества, не делает последнее менее иррациональным и менее достойным порицания» [4, с. 16].

Появление в 1950–1960-е гг. теорий постиндустриального общества и, казалось бы, снятие в условиях «государства всеобщего благоденствия» былой остроты общественных противоречий вызвали к жизни теорию деидеологизации. Утверждения о «конце идеологии» как атрибута общественной жизни и о возможности развития чистой от идеологических наслоений науки в той или иной форме высказали практически все творцы теории постиндустриального общества – Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, Ё. Масуда, В. В. Иноземцев, Э. Тоффлер и др. В работах каждого из них можно обнаружить утверждения о возможности замены политических решений проблем, возникающих в процессе функционирования современных обществ, рациональными решениями технических специалистов.

Следствием исчезновения идеологии, как предполагалось, станет полное вытеснение ее из общественной жизни научным знанием. Этот тезис обосновывали такие исследователи, как Р. Арон, С. Липсет, Д. Белл, К. Поппер и др. В наиболее полном виде теория деидеологизации была изложена Д. Беллом в книге «Конец идеологии» (1960 г.) [5].

Однако последующие события конца 1960-х гг. в жизни западных стран – бурные выступления студенческой молодежи и интеллигенции, появление новых социальных движений («зеленые», феминисты, борцы за права сексуальных меньшинств, за сохранение мира, за признание национальной идентичности и т. п.) – вынудили Д. Белла пересмотреть свои утверждения.

Вскоре он заново анализирует положение «о конце идеологии», значительно корректирует содержание своей книги. Предисловие к ее обновленному варианту Д. Белл заканчивает следующими словами: «В завершение я скажу: “конец идеологии” как гигантская смена убеждений и ориентиров, на мой взгляд, исчерпал себя. И теперь вновь начинается история» [6, с. 25]. Вместе с ней, можно сказать, началась и «эпоха реидеологизации».

Основательная теоретическая интерпретация феномена идеологии с позиций ее значения для социальной практики, или онтологического подхода, представлена выдающимся американским социологом Т. Парсонсом в его работе «Система убеждений и социальная система: проблема “роли идей”». Идеология, в его понимании, «это система убеждений, относительно которой члены коллектива, то есть общества или же субколлектива внутри общества... согласны в том, что она ориентирована на ценностную интеграцию коллектива» [7, с. 477]. Что касается содержания идеологий, то оно «находит свое проявление в убеждениях, направленных на проблемы личности, коллектива и культурных объектов» [7, с. 483]. Как видно, на-

ряду с признанием того, что идеология есть феномен группового сознания, Т. Парсонс усматривает в ее элементах ценностное содержание и интеграционную роль в жизнедеятельности ее носителей. «Интеграция социальной системы, – считает Т. Парсонс, – по определению первичная функция общепризнанной идеологии» [7, с. 486].

Данный подход к пониманию предназначения идеологии конкретизировал Г. Лассуэл, рассматривавший ее как разновидность коммуникации, направленной на поддержание целостности современного общества как такового [8]. Поскольку вопросы интеграции «отдельной личности и коллектива» исследуются социальными науками, то приоритетную значимость приобретает «проблема связи социальных наук с идеологией, которая, как ясно каждому, исключительно важна» [7, с. 483]. Очевидно, что в этом утверждении Т. Парсонса заключена мысль об идеологичности социальных наук, истоки которой восходят к К. Марксу, к тому, что он называл «идеологическими формами», или «видами идеологии».

Видный американский политолог Д. Истон, развивая подход К. Манхейма к интерпретации феномена идеологии, рассматривал его как важнейший составной элемент политической системы, а конкретные идеи и представления, как и Т. Парсонс, возводил в статус общественных ценностей. Согласно ему, «политическая система может быть определена как совокупность тех взаимодействий, посредством которых **ценности** [выделено нами. – *B. M., M. P.*] авторитарным способом приносятся в общество, это именно то, что отличает политическую систему от других взаимодействующих с ней систем... Все политические системы как таковые, поскольку они обладают определенной живучестью, обязательно выполняют две следующие функции. Во-первых, они должны быть способны предлагать обществу ценности и, во-вторых, вынуждать большинство его членов признавать их в качестве обязательных, по крайней мере, почти всегда» [9, с. 634–635]. И именно эти свойства политических систем, подчеркивает Д. Истон, выделяют их среди других типов социальных систем. Отсюда естественно, что тезис о «конце идеологии» он считал мифом.

Важные выводы о значении идеологии в становлении и консолидации обществ современности сделал широко известный социолог С. Хантингтон. В своей последней книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» (2004 г.) он обосновал положение, согласно которому именно идеологии принадлежит решающее значение в обретении населением США национальной идентичности. На протяжении американской истории, отмечает С. Хантингтон, жители страны определяли свою идентичность в терминах «раса», «этнос», «идеология», «культура». Если первые два термина в настоящее время практически вышли из оборота, то значение феномена идеологии, считает он, «не только сохраняется, но и возрастает». Именно «отождествление Америки с идеологией «американской веры», – продолжает С. Хантингтон, – помогло американцам претендовать на обладание «гражданской и национальной идентичностью»,

противопоставлявшейся этническим и этнокультурным идентичностям других стран... «Американское кредо» породило «американизм» – политическую идеологию: комплекс догм, сравнимый с социализмом и коммунизмом (заметьте, нам и в голову не приходит рассуждать о французизме, британцизме или германизме). Вдобавок американизм... обрел свойство религии и превратил Америку, по меткому выражению Г. К. Честертона, в «страну с церковной душой» [10, с. 16, 87].

Таким образом, вторая половина XX в. явилась периодом активного развития теории идеологии, основы которой были разработаны К. Марксом и К. Манхеймом. Можно констатировать, что в среде ученого сообщества и в массовом сознании утвердилось понимание идеологии как связанного с наукой и питающегося ее понятиями, но не тождественного ей духовно-культурного феномена, являющегося одним из важнейших конституирующих факторов посттрадиционных обществ. Термин «идеология» к настоящему времени признан в качестве важнейшего понятия обществоведческих наук, главным образом политологии, а феномен идеологии является предметом систематических научных исследований.

В научной литературе скрупулезными авторами идеология определяется как относительно систематизированная совокупность идей. Это означает, что она не есть теория, положения которой раскрывают причинно-следственные связи и отношения одного и того же объекта исследования. Иначе говоря, слова и словосочетания, которыми обозначаются составляющие определенную идеологию идеи, принципы и представления, не есть научные понятия в строгом смысле этого слова; они есть собственные слова и словосочетания, которыми группы людей выражают свое восприятие и оценку явлений социальной действительности. Идеология есть конструкция (или концепт, или доктрина), составленная по результатам размышления ее носителей о различных явлениях существующей социально-политической действительности, о ее возможном будущем устройстве и о путях и средствах ее утверждения.

Общепринятого подхода к систематизации содержания различных идеологий не существует, хотя некоторые аналитики все же находят, что каждая идеологическая доктрина имеет свою собственную морфологию или внутреннюю структуру. Английский политолог Дж. Шварцмантель, ссылаясь на авторство своего соотечественника, исследователя феномена идеологии М. Фридена, такого рода слова – претерпевшие операцию придания им специфического смысла с исключением возможности альтернативных интерпретаций – называет «отвоеванными» концептами. Идеологию вслед за М. Фриденом он определяет как совокупность политических концептов, или как «мульти-концептуальный конструкт», или как свободный набор (кластер) концептов своеобразного содержания со множеством внутренних комбинаций. С его точки зрения, концепты, которые образуют идеологию, «утверждают» значения определенных слов и отвергают все иные возможные их интерпретации. Любая идеология «имеет определенную форму, со-

стоящую, в первую очередь, из базовых концептов, дополненных примыкающим к ним, которые, в свою очередь, связаны с менее значимыми или периферийными. Идеология устанавливает более или менее логически последовательные связи между этими базовыми, к ним примыкающими и периферийными концептами» [11, с. 50].

В определение идеологии обычно включаются ценности как важнейший видовой признак рассматриваемого феномена, наряду с идеями и представлениями (принципами, положениями и т. п.), обусловленный тем, что ценности также являются результатом мышления социального субъекта, а именно оценивания им общественных явлений, в том числе продуктов интеллектуальной деятельности людей, на предмет их соответствия или несоответствия его (субъекта) потребностям и интересам. Социальные явления представляют собой результат объективации определенных идей и представлений; те из них, которые отвечают предъявляемым к ним субъектом требованиям, признаются им в качестве ценностей. Как отмечает российский исследователь А. Г. Здравомыслов, «для субъекта (человека) ценности служат объектами его интересов, а для его сознания выполняют роль повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности, обозначений его различных практических отношений к окружающим предметам и явлениям» [12, с. 74]. Включение понятия ценностей в определение идеологии полностью вытекает из онтологического подхода к интерпретации данного социально-культурного феномена.

Исследователи феномена идеологии единодушно констатируют, что содержание конкретных идеологий – характеристика существующей социально-политической действительности, выдвигаемые цели и задачи по ее сохранению или изменению, пути и средства их реализации – определяется местом и ролью их носителей в системе общественных отношений и вытекающими из этого положением их интересами. В интересах постоянно присутствует элемент сопоставления человека с человеком, одной группы людей с другой, одной социальной общности с другой. Свои индивидуальные и групповые интересы люди осознают и артикулируют в результате такого сравнения. Интересы направлены не столько на предмет их непосредственного удовлетворения, сколько на те социальные институты, учреждения, нормы взаимоотношений в обществе, от которых зависит распределение предметов, ценностей, благ [12, с. 74]. Любая идеология в конечном счете ориентируется на интересы определенного социального субъекта – группы, слоя, класса, общности – и через призму его интересов истолковывает существующую действительность, формирует определенные установки субъекта по отношению к ней и ориентирует его на осуществление тех или иных политических действий.

В современной литературе, особенно в учебной, роль идеологии как инструмента организации политических действий более детально раскрывается путем перечисления ее функций. Под таковыми понимаются те более узкие инструментального характера элементы политического процесса,

реализация которых социальными субъектами осуществляется с помощью феномена идеологии. Различными авторами их указывается от двух-трех до десяти и более. Мы, например, к числу непосредственных функций идеологии относим: познавательно-ориентационную – обеспечение предполагаемых носителей определенными представлениями о существующей действительности, действующих социально-политических силах, своем положении среди них, своих интересах и политических целях; легитимирующую (прагматическую, оправдывающую) – обоснование определенного общественного устройства или необходимости каких-либо изменений в существующей системе социальных отношений; мобилизационную – побуждение людей-носителей определенной системы идей к действию, к воплощению своих убеждений, целей и задач [13].

Другие функции идеологии, которые обычно скрупулезно перечисляются в учебных изданиях, носят, так сказать, сопутствующий характер. В частности, следствием мобилизационной функции является то, что идеология выполняет одновременно и интеграционную, и разграничительную функции: она сплачивает своих носителей и отделяет от них приверженцев других идейно-политических воззрений. Повышая уровень самосознания индивидов, расширяя их информированность и вовлекая в общественно-политические действия, идеология тем самым выполняет и социализирующую функцию. Не следует, однако, забывать и о восходящем к К. Марксу истолковании идеологии как институте политического господства или о развиваемом в работах Л. Альтюссера, А. Грамши, П. Бурдьё, Г. Маркузе и других исследователей положении об идеологии как средстве осуществления контроля над человеком в индустриальном обществе.

Наконец, необходимо отметить, что идеология становится инструментом коллективного действия в общественно-политической жизни не в силу ее появления как духовного феномена. Какими бы замечательными не были составляющие определенную идеологическую доктрину идеи, принципы и представления, они могут так и остаться достоянием сознания их создателей.

В советское время часто повторялись – в расхожем варианте – слова К. Маркса о том, что идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами. Самим К. Марксом эта мысль выражена следующим образом: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [14, с. 422]. Идеология может выполнять свою мобилизационную функцию лишь при условии наличия институционального механизма ее функционирования или, иными словами, идеологического аппарата, призванного заниматься воспроизводством и распространением среди членов сообщества данной системы идей и представлений. Такой аппарат составляют институты государства, политические партии, общественные объединения, учреждения науки, образования и культуры, пропагандистские

центры, издательства, средства массовой информации, интернет-ресурсы и т. д. Посредством такого рода общественных институтов обеспечивается функционирование идеологии на всех уровнях – теоретико-концептуальном, программно-политическом и обыденно-актуализированном. Свойство материальной силы идеи обретают, таким образом, в осознанных действиях их носителей, направленных на воспроизводство или изменение существующих общественных отношений.

В заключение напомним, что термином «идеология» изначально была обозначена наука о происхождении идей (А. Дестют де Траси), затем термину был придан ироничный смысл – как обозначение недоступной пониманию «здравым умом» некой сложной, или туманной, теории (Наполеон Бонапарт) и как обозначение ложных, не соответствующих истине представлений о существующей социально-политической действительности (К. Маркс) и, наконец, как тип и продукт мышления групп людей, обусловленный их положением в существующей социальной действительности и являющийся инструментом организации их коллективного общественно-политического действия (К. Манхейм).

Со второй половины XX в. термин «идеология» представителями общества ученых-обществоведов стал использоваться в качестве категории главным образом политической науки. Анализ феномена дает основание определить термин «идеология» как категорию политической науки для обозначения возникшего в процессе становления обществ современности духовно-культурного феномена: относительно систематизированной совокупности специфических – отличающихся по своему содержанию от научных понятий – философских, социально-экономических, политических и иных идей, ценностей и представлений, принципов и целей, в которых определенные группы людей с позиций собственных интересов осознают и выражают свое понимание существующей социально-политической действительности и представления о его должном устройстве, а также путей и средств его утверждения.

Список использованных источников

1. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1968. – Т. 18: Материализм и эмпириокритицизм. – С. 7–384.
2. Биккенин, Н. Б. Социалистическая идеология / Н. Б. Биккенин. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1983. – 414 с.
3. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.
4. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. – М.: REFL-book, 1994. – 368 с.
5. Bell, D. Afterword, 1988: The End of Ideology Revisited / D. Bell (Ed.) // The End of Ideology. – Revised edition. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988. – P. 409–447.
6. Белл, Д. Возобновление истории в новом столетии. Предисловие к новому изданию книги «Конец идеологии» / Д. Белл // Вопросы философии. – 2002. – № 5. – С. 13–25.

7. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.

8. Лассуэлл, Г. Язык власти / Г. Лассуэлл // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 264–279.

9. Истон, Д. Категории системного анализа политики / Д. Истон // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – М., 1997. – Т. II. – С. 630–642.

10. Хантингтон, С. Кто мы?: вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2018. – 543 с.

11. Шварцмантель, Дж. Идеология и политика / Дж. Шварцмантель. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2009. – 312 с.

12. Здравомыслов, А. Г. Потребности. Интересы. Ценности / А. Г. Здравомыслов. – М.: Политиздат, 1986. – 221 с.

13. Мельник, В. А. Государственная идеология Республики Беларусь: концептуальные основы / В. А. Мельник; науч. ред. П. Г. Никитенко. – 4-е изд., испр. и доп. – Минск: Тесей, 2007. – 280 с.

14. Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс // Соч.: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1955. – Т. 1. – С. 414–429.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)

Р. В. Мельник

Редакция районной газеты «Кобрынскі веснік» и программы радиовещания «Кобрынская раённая радыё», Кобрин

R. Melnik

Editorial Office of the Regional Newspaper “Kobrynski Vesnik” and Radio Broadcasting Program “Kobrynskae rayonnae radio”, Kobrin

**УДК 323
ВАК 23.00.02**

РОЛЬ И ЗАДАЧИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

ROLE AND TASKS OF REGIONAL MASS MEDIA IN THE SPHERE OF STATE INFORMATION POLICY

В статье рассматривается развитие медиасистемы Республики Беларусь в контексте современных реалий. Дается ее полная морфологическая характеристика. Детализируется процесс распространения печатных средств массовой информации, уточняется аудитория потребителей информации государственных и негосударственных СМИ. Наглядно иллюстрируется контент-анализ региональных массмедиа, обозначаются проблемные моменты, которые существуют сегодня в информационной сфере (кризисные явления в печатных СМИ и т. д.). Кроме того, даются практические рекомендации по активному включению традиционных средств массовой информации в сетевое